

Федор Сологуб. Червяк

I

Ванда, смуглая и рослая девочка лет двенадцати, вернулась из гимназии румяная с мороза и веселая. Шумно бегала она по комнатам, задевая и толкая подруг. Они опасливо унимали ее, но и сами заражались ее веселостью и бегали за нею. Они, однако, робко останавливались, когда мимо них проходила Анна Григорьевна Рубонослова, учительница, у которой девочки жили на квартире. Анна Григорьевна сердито ворчала, хлопотливо перебегая из кухни в столовую и обратно. Она была недовольна и тем, что обед еще не готов, а Владимир Иванович, муж Анны Григорьевны, должен сейчас вернуться из должности, и тем, что Ванда шалила.

- Нет, - досадливо говорила Анна Григорьевна, - последний год держу вас. И в гимназии-то вы мне надоели до смерти, да и тут с вами возись. Нет, будет с меня, намаялась.

Зеленоватое лицо Анны Григорьевны принимало злое выражение, желтые клыки ее выставлялись из-под верхней губы, и она мимоходом больно щипала Ванду за руку. Ванда ненадолго стихала - девочки боялись Анны Григорьевны, - но скоро снова комнаты дома Рубоносковых оглашались смехом и гулкой беготней.

У Рубоносковых был собственный дом, деревянный, одноэтажный, который они недавно построили и которым очень гордились. Владимир Иванович служил в губернском правлении, Анна Григорьевна - в женской гимназии. Детей у них не было, и потому, может быть, Анна Григорьевна часто имела злой и раздраженный вид. Она любила щипаться. Ей было кого щипать: Рубоносковы держали на квартире каждый год несколько гимназисток, из приезжих, и у них жила сестра Анны Григорьевны, Женя, девочка лет тринадцати, маленькая и худенькая, с костлявыми плечами и большими холодными губами бледно-малинового цвета, похожая на старшую сестру, как молодая лягушка бывает похожа на старую. Нынче, кроме Жени, у Рубоносковых жили еще четыре девочки: Ванда Тамулевич, дочь лесничего в одном из далеких уездов Лубянской губернии, веселая девочка с большими глазами, втайне тосковавшая по родине и всегда к концу зимы (она жила у Рубоносковых третий год) заметно хиревшая от этого, Катя Рамнева, самая старшая и смышленная из девочек, смешливая, черноглазая Саша Епифанова и ленивая русоволосая красавица Дуня Хвастуновская, обе лет по тринадцати.

У Ванды была причина веселиться: она сегодня получила "пятерку" по самому трудному для нее предмету. Ванде всегда трудно и скучно было готовить те уроки, которые надо было брать памятью. Случалось часто, что во время заучивания неинтересных вещей мысли ее разбегались и мечта уносила ее в таинственно-тихие, оснеженные леса, где, бывало, несли ее с отцом легкие санки, где наклонялись над нею толстые от снега ветви сумрачно-молчаливых елей, где бодрый морозный воздух вливался в грудь такими весельями, такими острыми струями. Ванда мечтала, часы летели, урок оставался невыученным, - и утром наскоро прочитывала его Ванда и отвечала, если спрашивали, кой-как, на "тройку".

Но вчера был удачный вечер: Ванда ни разу не вспомнила далеких лесов своей родины. Сегодня она ответила урок батюшке слово в слово по книге: отец законоучитель придерживался старого способа, как его самого обучали лет сорок назад. Батюшка ее похвалил, назвал "молодец-девка" и поставил ей пять.

Вот почему теперь Ванда буйно носилась по комнатам, дразнила угрюмого пса Нерона, который, впрочем, со снисходительной важностью относился к ее шаловливым выходкам, хохотала и тормозила подруг. От быстрых движений у нее захватило дыхание, но радость поднимала ее и заставляла бесноваться. С разбегу Ванда налетела на суетливую служанку Маланью и выбила у нее из рук тарелку, но ловко подхватила ее на лету.

- О, чтоб тебя, оглашенная! - сердито окрикнула ее Маланья.

- Ванда, перестанешь ли шалить! - прикрикнула на нее и Анна Григорьевна. - Разобьешь еще что-нибудь.

- Не разобью, - весело крикнула Ванда, - я ловкая.

Она завертелась на каблуках, махнула руками, зацепила любимую чашку Владимира Ивановича, которая стояла на краю обеденного стола, - и замерла от ужаса: послышался звон разбитого фарфора, беспощадно-ясный и веселый, по полу покатались разноцветные осколки разбитой чашки. Ванда стояла над черепками, прижимая руки к груди; ее черные бойкие глаза от испуга приняли